

Григорий ГАЧКЕВИЧ

Кишинев

Одной строкой

Поле зреющего хлеба, исцеляющая тишь,
Синевой сияет небо, оттолкнись – и полетишь,
Поднимаешься над полем, всё ровнее сердца стук,
Словно был ты чем-то болен и проходит твой недуг,
Под тобой белеют нити пылью застланных дорог,
Солнце яркое в зените заслоняет мир тревог,
Может, нет отдельной доли – жизнь для каждого полна,
Сверху небо, снизу поле, между ними тишина,
И вобрав в себя всё это, ты почувствуешь покой.
Небо, поле, солнце, лето – жизнь всего одной строкой.

Предчувствие

Покатилось солнце сверху, покатилось
За бескрайние зелёные поля,
Будто с жизнью уходящую простилось –
Прошептали у дороги тополя.
Наступила тишина страшнее грома –
Эти несколько часов перед войной,
Через сутки у меня не будет дома,
Только боль одна останется со мной.
Разорвутся ежедневных звуков нити,
Разольются слёз проклятые моря,
Погодите вы, минуты, не спешите,
Не спеши и ты, вечерняя заря.
Как вставало солнце утром, так и встанет,
Но не будет утро прежним и родным,
Тишина висит и глубже душу ранит,
Расстилаясь над полями, словно дым.

* * *

Сто веков лежат меж нами,
Даже если не лежат,
Где-то здесь под небесами
На Земле – и рай, и ад.
Открываю мысли звёздам,
Их холодной глубине,

Для чего же был я создан,
Для чего есть жизнь во мне.
Точки звёзд мерцают блекло,
Ночь молчанием полна,
Для кого-то ад – не пекло,
Для кого-то жизнь – война.
Уношу с собой тревогу,
Рай – не место для теней,
Открываю душу Богу
И прошу сказать, что в ней.

Николай МАЙОРОВ

Нижний Новгород

Дороге

Шальная дорога,
Как ты поведёшь?
Домчишь до порога,
В овраги увьёшь...

Дорога шальная,
От края до края
Тоску навевая
И грех поминая...

Елена КОЛЕСНИКОВА

Воронеж

Живы

Дышат на небо дома – еле слышно – дымками,
Зеркало неба облекло, подумалось – живы...
С жгучим упорством хрустят у меня под ногами
Сочные отпрыски старой соседской крапивы,
Взводишко лука свежо зеленил огородик,
Вишня-неслушница вышла в коротеньком платье.
Сеевом мелким, не чаясь, просыпался дождик,
С горстку едва наберётся, но наперво – хватит...
Нежится ветер, на солнце душой шелковей,
Птицы пищат впереводку – на весенний подобен*,
Каждый суставец у веток суглобистых – веян,
Каждый цветочек покоем настоящим – поён.
Небо глубится – в просветах оконных распятий,
Бьётся весна, надрывая последние жилы, –
С холодом бьётся – за самое трудное счастье,
Звон докатился пасхальный, подумалось – живы...

* Пение на подобен – пение на основе мелодической модели (в византийском и русском православном богослужении).

Павел КЛИМЕШОВ

Нижний Новгород

Благовещенье

Предутренние сумерки легки,
И тишь легка – ни голоса, ни лая,
Заречные застыли огоньки,
Какое-то предвестье постигая.
О том в полуразгадке фонари
Среди снегов, осевших под дождями;
Я, недоспавший пасмурными днями,
Заглавной ожидающий Зари...
Минутами яснеют небеса:
Они уже лазурны, непорочны,
По голубени снежной разлился
Не свет, но полушепоток урочный.
О чём он? Нам ли, жаждущим, не знать...

Виктория БЕЛЯЕВА

Ростов-на-Дону

* * *

За листопадом я тебя найду
на октябрём простуженном пруду
в движенье камышей и желтоклювок.

Ты будешь пахнуть горькою водой
и улыбнешься – вечно молодой.
Остынет солнце красное, как клюква.

И я тебя за плечи обниму
в сиреновом, искуренном дыму
я стану в твоём небе отражаться.

Со мной побудешь поминальный день,
потом уйдешь по плачущей воде,
и медяки над прудом закружатся.

Анфиса ТРЕТЬЯКОВА

Симферополь

Крымская весна

Мне все еще снятся тревожные сны:
Майдан, предвещающий горе войны,
Погибших от пуль, чувство общей вины
И тот президент, что сбежал из страны...

Отчетливо вижу смятение людей,
Что места себе не находят нигде
От множества мыслей, прогнозов, идей,
Забыться стремящихся в тяжком труде.

Я вижу себя: как я гордо несу
Родной триколор, с ним – российскую суть,
Как лью в предвкушении чуда слезу
И громко кричу: «Сердцем, Крым, голосуй!»

Мне все еще снятся прекрасные сны:
Нарядность садов от цветков белизны,
Всеобщее счастье от Крымской весны
И чувство, что мы наконец спасены!

Белая скала

Я бережно кистью в картину несу
По капле всю реку Бююк-Карасу.
И вижу: девчонка, такая как я,
Спиной прислонилась к стене Ак-Кая.
От горя прогоркла степная полынь –
Любовь погибает у Белой скалы.

Знать, ветер укладывал феном ковыль
И выдул всю дурь из ее головы.
Но птицы признаний щебечут слова,
Лучи продолжают лицо целовать,
И жить призывает во веки веков
Скала нуммулитовых известняков.

Сергей ЖЕНИХОВ

Шахунья, Нижегородская область

* * *

В окнах всюду погашен свет.
Я – доступен.
Весь – на виду.
Заходи ко мне в интернет,
я давно уже тебя жду.

Одиночеством сыт и пьян,
я в эфир позывные шлю.
Через море и океан
я шепчу тебе, что люблю.

В интернете моем – зима.
Иероглифы – на окне.
Я сегодня сойду с ума,
если ты не ответишь
мне.

* * *

В огромном городе моем – ночь...

Марина Цветаева

В моем городе ночь.
И – снег.
И фонарики-светлячки...
За меня, двадцать первый век,
подержи свои кулачки.

На удачу меня настрой,
от бесчувствия огради,
стань нуждою, а не игрой,
в веру божию обряди.

Наряди меня в простоту
гордых песен и мудрых слов,
сниспошли на меня мечту:
прокляни меня на любовь!

Владимир ПОСТЫШЕВ

Хабаровск

* * *

На асфальт роняя крошки,
в сизокрылой воркующей
лужице
сидит бабуся,
под нос себе бормоча:

– Гули-гули, мои хорошие,
гули-гули, с небес упавшие,
это всё, что осталось
от тёртого
калача...

Галина ТАЛАНОВА

Нижний Новгород

* * *

Ах, одуванчик,
В шапочке седой...
Он создан так,
Чтоб пролетать сквозь ветки.
И почему жизнь кажется игрой?
И будто я воланчик для ракетки.
Не улечу куда-то далеко,
Как семечко на белом парашюте.

Но я парю –
И на душе легко,
И благодарна солнечной минуте.
Удар так звонок, как ладош хлопок.
Лечу, чтоб непременно возвратиться.
Вновь получив под дых и с силой в бок,
Пытаюсь в небо звёздное пробиться.
Но если не ответят на удар,
Спланирую на землю сбитой птицей.
И берегу такой нелепый дар,
Что не даёт так долго приземлиться.

Илья БОРОВСКИЙ

Уфа

Красная площадь

Над Василием Блаженным
Пляшет бледная луна.
Я уснул. Во сне смиренном
Площадь древняя видна.

Карусель времён закружит,
Снова чую за спиной –
За плечо прихватит стужа,
Приобнимет летний зной.

В дождь июльский, снег январский,
Исполины-мужики
Смотрят Минин да Пожарский
На знамённые полки.

Гляну вдаль, над колокольней
В честь великого царя,
Разыгрался ветер вольный,
Словно сабля бунтаря.

Русский бунт – костёр опасный,
Разгоревшись у Кремля,
Отпылал в стрелецкой казни,
До последнего угля.

По ночам скорбят иконы,
Стонут лики в образах,
Помнят взор Наполеона
И пожар в его глазах.

Мавзолей откроет Ленин,
До утра искать пойдёт,
Год семнадцатый потерян
В глубине багровых вод.

Год трагический отмерил,
Для народа век иной.
Гимн победы, гром потери,
Над великою страной.

Всей истории тропинки
Исходив в календаре,
У церквушки на Ильинке,
Выйду к праздничной заре.

Пусть пройдут дожди косые
Смоют боль минувших лет,
И зажжёт звезду России
Красной площади рассвет.

Никита БРАГИН

Москва

* * *

Как сладко спать в объятиях зимы,
мерцаая искрой в ледяном покое,
пока заря палитру Хохломы
не расплеснёт невидимой рукою,

и дымные столбы из сельских труб
до неба вознесутся вертикально,
и заалеет, словно кровь из губ,
краюшка солнца сквозь мороз хрустальный.

И встанет радость золотого дня,
покрыв сугробы льдистой карамелью,
а там придет и вечер у огня,
и ночь, и ожидание метели,

когда затянется тончайшим льдом
вода святая в проруби крестом.